Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Из цикла «В отцы годится» № 9: Татьяна, милая Татьяна

Рыжие-конопатые краснеют особенно.

Во-первых, не только щеки или нос, а сразу целиком, сверху донизу. А во-вторых, у них это получается так отчаянно, что и сам краснеешь за них, хоть тебе-то, казалось бы, с какой стати?

Вот такое чудо-юдо сидело напротив Жени за столиком кафе «Золотой ключик». Сидело и краснело. И Женя краснел вместе с ним, хоть он был не рыжий и не конопатый, и это было не так заметно.

— Итак, — говорил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — итак, ты пошла в кино… Как он там у вас называется? Кинотеатр-то? «Прогресс»? Или «Целина»?

— «Авангард» — тихо отозвалось чудо-юдо.

— «Авангард». Чудесно. Итак, ты пошла в кинотеатр «Авангард» на новое кино «Огненное сердце» и там встретилась с доном Альфонсо. Это была любовь с первого взгляда. Да?

Чудо-юдо сопело и дергало сарафан.

— Этот дон Альфонсо так приглянулся тебе, что ты сразу предложила ему руку и сердце. Ты думала, что признаешься в любви актеру Евгению Новосальцеву. На самом деле ты ничего о нем не знаешь, и все твои чувства связаны только с доном Альфонсо де Мальдивиа, храбрым идальго из Картахены. А потом все-таки случилось то, чего ты и боялась, и ждала: письмо пришло в Мосфильм, и там его передали мне. Вместе с толстой пачкой таких же писем — от других Татьян, Наташ, Люб, Варвар, Ань и прочих Ев Советского Союза. Знаешь, сколько их было?

— Не знаю, — шепнуло чудо-юдо.

— И я не знаю. Не считал. И не читал. Вернее, читал, но не все. А только те, которые… впрочем, неважно. Родители-то у тебя есть?

— Нет. Померли…

— Детдомовская?

— Тетя воспитала.

— И что, она отпустила тебя в Москву, ко мне?

— Не, — шептало чудо-юдо, спрятав голову в кудри. — Я сама…

— Сама! Ишь, самостоятельная какая. Лет-то сколько тебе?

— Восемнадцать…

— Точно? А на вид пятнадцать с хвостиком.

— Паспорт показать? — неожиданно с вызовом сказало чудо-юдо.

— Не надо. Шучу. Итак, Татьяна, милая Татьяна… Думаю, мы оба до последнего не верили в то, что это произойдет. Что ты приедешь в Москву, ко мне, и мы будем беседовать с глазу на глаз… Ведь так?

— Не знаю, — буркнуло чудо-юдо.

— Понимаешь, Незнайка… За свои слова нужно отвечать. Вот ты предложила мне жениться на тебе. Писала, что будешь верна, все простишь, готовить хорошо умеешь… Было дело?

Чудо, казалось, было при смерти.

— А что, если я соглашусь?

На Женю взглянули два отчаянных зеленых глаза.

— Я не шучу, Татьяна. Не зря же я написал тебе, чтобы ты приехала. Что скажешь?
— Что, вот так вот… сразу? — пискнуло чудо-юдо.
— А что, по-твоему, я должен вначале поломаться, поотнекиваться, как девица? Я согласен жениться на тебе, Татьяна Новохатько из города Невинногрудска. Предлагаю сегодня же и расписаться.
Чудо-юдо какое-то время ловило ртом воздух. Потом вдруг разрыдалось, повалившись на стол.
Женя, поколебавшись, подсел ближе и обнял чудо за плечи. Оно тут же уткнулось в него.
Трудно сказать, что Женя чувствовал до того, но ощущение пушистой головы на груди оказалось неожиданно острым и щекотным. Чудо-юдо всхлипывало у него в объятиях, а Женя прислушивался к своим нервам, которые будто окунулись в теплую ванну.
***
Так познакомились Евгений Александрович Новосальцев, народный артист Советского Союза, и Таня Новохатько, рыжая комсомолка из города Невинногрудска.
А всего через два часа они не только познакомились, но и поженились. Приехав с Таней на Мосфильм, Женя сагитировал оператора Шкварцева и костюмершу Сладкову засвидетельствовать их законный брак. Сладкова одела Таню в белое платье из «Лебедей мечты», сама облачилась в чарльстон* из «Огней удачи» — и вся компания, наняв усатого таксиста, домчалась до ближайшего загса. Отмечали все в том же «Золотом ключике».

---

*Фасон короткого платья с оборками. (Прим. авт.)

Это была самая стремительная свадьба в мире: роспись, дорога и четыре тоста каким-то чудом уместились в обеденный перерыв. Из «Ключика» на том же лихаче примчались обратно; с Тани, малиновой от вина, стащили «лебединое» платье, Шкварцев обчмокал ее, Сладкова Женю — и свидетели разбежались по своим местам, оставив обалдевших молодоженов наедине.
А еще через час молодожены…
Или, точнее, Женя с Таней…
Или — еще точнее — Женя Таню…
Как ни начни — язык не поворачивается сказать. Потому что поступок Жени Новосальцева, народного артиста Советского Союза, хоть и был законным по форме, но по содержанию он был аморальным, низким, безнравственным, антиобщественным и… И все фибры Жениной души ощущали это — но было поздно. Слишком поздно…
— Что ж, Таня, — сказал Женя, сидя на своей кровати. — Иди сюда. Иди ко мне.
Все это время они с Таней чувствовали себя, как случайные товарищи по какому-то случайному делу, которое случайно, опять-таки, свело их вместе.
По всем сценарным канонам им полагалось помахать друг другу ручкой и разойтись, чтобы потом при встрече Женя мог окликнуть Таню — «Это ты, Танюш?…»
Но в этот раз сценарист плевал на каноны.
Таня подошла к Жене. Ни одна актриса не взялась бы передать ее взгляд.
— Ты знаешь, что сейчас будет?
— Что? — детским голоском отозвалась Таня.
— Как что? Ты — моя жена. Ты знаешь, что делают муж и жена?
Таня опустила голову.

Момент был острым, как заноза. Женя вдруг ощутил себя таким подонком, что встал и порывисто обнял ее.
— Что такое секс, знаешь? Как делают детей? — бормотал он и гладил Таню, изо всех сил стараясь сказаться добрым.
Таня так стеснялась, что даже не возбуждала в нем здоровой похоти. Вместо нее в Жениных нервах ныл какой-то больной запретный зуд, какого он еще не знал в себе...
— Вначале нужно раздеться. Знаешь?
Таня нервно кивнула.
— Давай... А давай знаешь что?... А давай мы это отложим, — вдруг сказал Женя. — Отложим... на потом. У нас же еще вся жизнь впереди. А?
И вздохнул с облегчением.
— Давайте, — сказала Таня, тоже вздохнув. — Я только немного попривыкну к вам, ладно? А то вы совсем не такой, как в кино.
— А где лучше? — спросил Женя и сел на кровать. — Садись, не бойся.
Таня осторожно присела.
— Если я скажу, что в кино лучше, — сказала она, подумав, — вы обидитесь?
— Постараюсь не обидеться, — сказал Женя. — Если скажешь не обидно.
Таня впервые робко улыбнулась.
— Я обидно не умею. Наоборот, меня все дразнят.
— Рыжей?
— Угу. Рыжей-рыжей-конопатой. С детсада еще...
— Ну, я тебя точно дразнить не буду. Мне очень нравятся рыжие. И конопатые. Больше всех.
— И... потому вы на мне женились? — спросила Таня замогильным шепотом.
Женя сцепил зубы, чтобы не рассмеяться.
— Не только. Я... а давай выпьем? А?
— Еще вина? Я буду совсем пьяная, — улыбалась Таня. — Я сегодня первый раз пила вино.
— Все бывает в первый раз, — сказал Женя, включая радиолу. — Немного музыки не помешает, правда?
В динамиках заиграл оркестр Поля Мориа.
— Ага, — сказала Таня. — А вы тут один живете?
— Конечно. С кем же мне еще жить?
— Ну, я думала, мама ваша, отец... Или даже коммуналка.
— Ты танцевать любишь? — спросил Женя, беря Таню за руки.
— Ну... — Таня заулыбалась, будто ее разоблачили. — Не под такую музыку.
— А такая не нравится?
— Нравится... Просто непривычно немного.
— Давай попробуем привыкнуть.
Он поднял ее на ноги и привлек к себе. Вначале Таня была неподатливой, угловатой, но...
— Как здорово ты танцуешь, — сказал он через полминуты.
— Разве ж это танец, — отозвалась Таня, запрокинув голову. — Но мне нравится.
— Тань...
— А?
— Мы с тобой муж и жена, а я тебя все еще ни разу не поцеловал.
На мгновение Таня одеревенела, но тут же снова вошла в плавный ритм.

— Целуйте, — сказала она обреченно.
Женя снова сделал усилие, чтобы не рассмеяться: она зажмурилась и вытянула губы трубочкой. Он чмокнул ее прямо в трубочку, и Таня отпрянула от него — он еле удержал ее за спину.
— Ты, дикая кошка!... — сказал он. — Давай просто танцевать.
— Я не дикая кошка! — обиженно возразила Таня, встала на цыпочки и влажно чмокнула его. — Могу еще.
— Серьезно? Можешь?
Она снова и снова чмокала его в губы и в щеки, быстро распаляясь.
— Ты... когда-нибудь целовалась... с кем-то? — спрашивал Женя посреди ее чмоков.
— А вам... что... за дело? — азартно шептала она, все сильней влипая губами в его лицо.
(«Ого!» — думал Женя под этим шквалом.)
— Ага!... Значит, целовалась? Кто это был? Как его звали?
— Да ни с кем я не целовалась! — Таня так возмутилась, что перестала его чмокать. — Кто меня, рыжую, поцелует-то?
— Например, я. Ты меня обчмокала — теперь моя очередь. Только не шарахайся, как... сама же сказала, что не дикая кошка.
— Не буду! — с вызовом сказала Таня и подставила ему свои веснушки.
— Глаза не закрывать! — Женя легонько коснулся веснушек губами, потом еще, еще — рядышком, на висках... Потом бровки, переносицу...
Таня пыхтела, как паровозик.
«Агаааа!» — злорадно кричал внутренний Женин голос. Бархатное личико под губами вдруг раззадорило его сильней любых ласк, и Женя крепче обхватил Таню. Ее спина на миг одеревенела — и поддалась ему.
— А теперь в губки, — шепнул Женя, не дыша. — Раскрой. Немножко...
Таня приоткрыла губы и все-таки зажмурилась. Женя мазнул их своими влажными губами, и еще раз, и еще, и подлизнул языком...
Таня вдруг фыркнула.
— Ты чего? — прошептал Женя.
— Лижетесь, — так же шепотом объяснила она.
— Ну... а теперь ты меня лизни. Боишься?
Таня качнула кудряшками и храбро лизнула Женю в губы.
— А вы соленый... — пискнула она, как мышка, и лизнула еще. Женя чуть приоткрыл губы, поймав ее язык.
— Ыыы, — мычала пойманная Таня. Женя прижал ее к себе совсем уж крепко, грудь к груди, и трогал ее язык кончиком своего. Потом расслабил губы; Таня тут же спрятала язык и хотела что-то сказать... но вместо того лизнула снова, войдя поглубже.
«Вот оно!... « — скомандовал кто-то в Жене.
Обхватив Таню за голову, он влизался, залепив ее язык своим, и своими же губами раскрыл ее губы, подлизывая плашмя терпко-сладкий, как кизиловое варенье, нецелованный Танин ротик...
Таня сжалась... но с каждым лизком ее тело обмякало, пока не повисло на Жениных руках.
Губки и язык ее влизывались в Женю так же зверски, как он в нее, и уже не было опытного донжуана и невинной девочки, а были два отчаянных рта и единый вихрь лизаний. Он

нарастал, делался жестоким, нервным, и Таня кусалась, как настоящий звереныш.
— Фе фуфайфя! — попытался сказать Женя.
— Фо?
— Не кусайся, говорю! — улучил он момент, увернувшись от ее языка.
Таня вдруг вырвалась и отбежала к окну. Она дышала тяжело, будто за ней гнались.
— Тань! Танюш! Обиделась? — он подошел к ней, но обнимать не стал, зная, что вырвется. — Прости. Ну прости, а? Иди ко мне...
Таня повернулась к нему. У нее было багровое лицо.
— Я не кусаюсь! — сказала она баском.
— Ну прости, я неудачно выразился... Тань!
Он взял ее за руку. Таня вздрогнула, но руки не отдернула и смотрела большими обиженными глазами на Женю.
Потом вдруг прыгнула к нему, как в ледяную воду, и снова облепила горячими губами. Стремительный язычок проник в Женю и окутал его внутри нервной сладостью, от которой сам Женя чуть не обвис на Тане...
— Ну и ну, — сказал он, когда у них кончился воздух. — Ты... ты... я даже не знаю, что сказать.
— Вы с вашей Консуэлло так же целовались? — спросила Таня своим новым хриплым баском. — Ну, то есть со Светланой Занебесной?
— Нееет. — Женя даже засмеялся, вспомнив рабочие Светины поцелуи. — Ну что ты. Это же кино.
— В кино не так?
— Совсем не так. Кино для зрителей, а жизнь... для нас. Для нас с тобой.
— А где лучше?
— А ты как думаешь? — он обхватил ее, плюнув на все, и приподнял в воздух. Таня ахнула.
— Что вы... ааааай!
Вдруг кончилась музыка. Женя отпустил ее.
— Пойдем поедим, — сказал он. — У меня колени подгибаются. А может, в ресторан?... В «Арагви»? А перед этим зайдем кое-куда — купим тебе обновку. Ради праздничка. А?
Таня молча смотрела на него.
В этом темном взгляде, в стремительной фигуре, натянутой, как спица, во вздыбленной груди, в наклоне головы не было ничего, буквально-таки ничего общего с Таней Новохатько, на которой Женя женился час назад. Кроме разве что рыжих волос. И конопушек.
***
На обратном пути они опять целовались до полуобморока. Таня пришла распаленная, горящая, с малиновыми губами. Только что она вылизала Жене все лицо, как кошка, и жгла его зелеными глазищами, в которых было поровну стыда и бесстыдства.
Но раздевание от поцелуев отделяла целая пропасть. Как ни деликатничал Женя — Таня все равно вырвалась и убежала на кухню.
И тогда он решил раздеться сам.
Никогда еще ему не было так стыдно. Женя чувствовал себя так, будто сияет яйцами на школьном утреннике. Но расчет оправдался: он предстал перед Таней голым Адамом, и та не смогла удержаться от любопытства.
Через минуту она пялилась на его хозяйство во все глаза. Через две подошла поближе. А через пять щупала, холодея от сладкого ужаса, Женины яйца и огромную его пушку.

С ней надо было, как с ребенком: «я тебе показал — теперь ты покажи мне». Таня выгнала его в комнату, чтобы он не смотрел, как она раздевается, и потом вошла к нему голая, трогательно-стыдная, вызывающе глядя на него.

Чуть что не по ней, и она разревется, ударит его или прыгнет с балкона, — Женя понимал это и не говорил лишних слов, а просто подошел к ней и стал изучать ее умилительное тело, полуженское-полудевчачье, терпкое, как недозрелый фрукт с кислинкой.

В груди у него таяли ледышки. Сорокалетний Женя чувствовал себя малолетним подранком, впервые открывавшим заветные девчоночьи тайны, — будто не было никогда ни Зины, ни Любы, ни других, опытных и зрелых, с лоском на грудях и задницах. Одна тугенькая Танина попа, покрытая гусиной кожей, была интимней всех слов, которые он слышал; а передок... об этом вообще нельзя было говорить вслух. Клейкие лепестки, добытые Женей из Таниной срамоты, кололи ему нервы, как ультразвук. Лепестки блестели и мазались — Таня была вполне готова к плотским утехам.

Женя не спешил. Он раздвинул ей ягодицы и трогал колечко ануса; он целовал полоску от трусов и щекотал языком крохотную бусинку, спрятанную в лепестках; он натягивал их двумя руками, и они выскальзывали из пальцев, как рыбешки... Несколько раз Женя лизнул распахнутую Танину середку, и Таня отзывалась грудным басом. Она не говорила ничего и дышала сильно, глубоко, с придыханием, переходящим в стон. То, что она чувствовала, наверняка было главным переживанием ее жизни, и от Жени зависело, каким оно останется в ней — самым ужасным или самым прекрасным.

Потом Женя целовал ей соски. Это было мучительно, и Таня сразу стала кричать и умолять Женю — «хвааатит!... ну хватит же, ну не надо так, ну... ой-ёй-ёоой!» Но Женя всосался в нее, как голодный младенец. Он хотел, чтобы Таня обезумела от похоти — тогда она могла бы испытать высшее блаженство женщины. Его редко испытывают при первом совокуплении, но Женя очень хотел, чтобы это было так, и вытягивал длинными присосами отвердевшие комочки, и трогал в это время Танин передок...

Таня плакала под его языком, и он опустил грудки, наласканные до малиновых пятен.

— А теперь потанцуем, как танцевали днем, — сказал он, поставив тут же пластинку. — Давай целоваться? Давай, Танюш?

И приблизился к ее губам, обняв за спину.

Их тела прилепились друг к другу — голое к голому, грудь к груди. Женины губы застыли в сантиметре от Тани, и она сама куснула их — раз, другой, потом с язычком, а потом и мокренько, с присосами... Незаметно, лизок за лизком этот поцелуй перерос в бешеную кусню губами. Языки причмокивали, губы горели, всасывали и норовили заглотить все, руки путешествовали по телам...

Женя почувствовал, что больше не может.

— Иди сюда, Танюш, — бормотал он сквозь ее поцелуи. — Иди. Ложись...

Таня подпрыгивала, бодая передком Женю.

Не прекращая лизаться, они улеглись в постель и пристроились друг к другу.индивидуальные киносеансы, ходил с ней на танцы...

Их, кстати, и принимали везде за отца и дочь. На танцах к ним то и дело подходили альфа-самцы и говорили Жене: «Папаша, разреши... « Первое время Таня была в диком восторге, что ее видят с самим Новосальцевым, — но его так донимали автографами и глупыми вопросами, что ее восторг поутих, и Женя стал гримироваться.

Таня оказалась неглупой, в меру начитанной, страстно охочей до учебы. Женины опасения, что им не о чем будет говорить, не оправдались: говорил в основном Женя, а Таня слушала, раскрыв рот, и почти все понимала. В Бауманку она поступила с первого раза, и Женя гордился ее успехами, как настоящий отец; но потом он услышал — «это же дочь самого Евгения Новосальцева!» — и понял, что не умом единым даются ей жизненные барьеры. Таню это смертельно обижало, но потом она так устала всем говорить «не дочь, а жена!» и показывать штамп в паспорте, что смирилась и плюнула. Мужа она называла Евгением Александровичем и только на «вы». Ей было так комфортно, и Женя не спорил.

В любви она была открытой, обжигающей, отчаянно искренней, щедрой и ранимой. Халтура и наигрыш здесь не проходили, — только «театр переживания» самой высокой пробы. Ее любовь наполняла Женю до ушей, прожигала до костей и выматывала, как самые напряженные съемки. Таню нельзя было любить только телом, выключив душу — и, если Женя откликался, как ей хотелось, они оба улетали в рай. Он стеснялся посвящать ее в грязные секреты любви, и они ограничивались только самым главным, — и этого хватало с головой. В плотских утехах Таня была ребенком — смеялась, когда ей было приятно, плакала, когда было невыносимо приятно, ласкалась по-щенячьи и называла срамные вещи смешными словами. Женя стеснялся повторять их: они казались ему куда стыдней любой матерщины.

О такой любовнице он не смел и мечтать. Таня возбуждала в нем темную, запретную похоть, о которой он никогда не говорил ей. Чем более детскими были ее повадки — тем яростней ему хотелось ебать ее дико, грязно, как мартовскую кошку. Таня обожала это, принимая за страстную любовь, и сама возбуждалась до мяуканья. В постели они подошли друг другу идеально, как две половинки буквы «О». К тому же Таня была славной, умилительной, да и просто красивой, с нежным стройным телом, которое зрело на глазах...

***

Чем дольше длилась эта идиллия — тем больше тосковал Женя.

Он сам не знал, по чему он тоскует. Без Тани он уже не представлял своей жизни. На попойки его не тянуло: похоть пьянила слаще любого коньяка. Круг его общения не изменился. С Таней они почти не ссорились: она была дико обидчива, но ее обиды никогда не длились дольше суток.

Все было идеально, — и тем сильней ерзало шило в Жениной заднице.

В том-то и было все дело: его вдруг переселили в чистый, умытый рай, а ему хотелось грязи. Хотелось не пылкой искренней Тани, а опытных баб, знающих цену удовольствию. С Таней любая ласка была эмоцией, а с ними — холодным шампанским, наполняющим нервы сладким ядом. Его организм погибал без этого яда. Жене казалось, что его навсегда заперли в детском саду.

Как только он понял это — решение пришло быстро. «Мне это необходимо. Если она узнает — она поймет. Она же обещала понять и простить», убеждал он себя.

И убедил.

— А как же твоя, ткскзть, протеже? — цедила Света сквозь тонкую улыбку. — Она у тебя ничего так, симпатичненькая. Тела, правда, еще нет, но не все же сразу...

— Хочешь верь, хочешь нет, но это самая ахуенная любовница в моей практике, — самодовольно отвечал Женя, пуская дым в потолок. При Тане он стеснялся курить (благо привычки так и не приобрел). — У этого ребенка душа гетеры.

— Да ты что? А зачем тогда ко мне заявился?
— Надоело быть воспитателем в яслях. Я слишком испорчен для нее. Передозировка большой и чистой любви вредна для здоровья... Хочется настоящего, матерого...
— Иными словами, тебе нужна блядь, и ты пришел ко мне, — хохотнула Света. Она была польщена.
— Я бы сказал иначе: только опытная, искушенная во всех тонкостях женщина может удовлетворить мои низменные запросы, хе-хе... Такая, как ты.
— Или как Фима Сладкова. Или Неля Крутобокова. Или...
— Но я же пришел к тебе.
— О да, я польщена, я растаяла, вознеслась и низринула, ткскзть...
Света допила вино и посмотрела на Женю. В ее взгляде светилась та самая, неуловимо сладкая и знобящая искра порока, от которой Женю всегда пробирало до яиц...
—... В чем дело, дорогой Онегин? — спросила наконец Света. — Ты что, до меня в свою Татьяну выхолостился?
Женя покраснел. Света лежала перед ним — роскошная, крутобедрая, со своей знаменитой грудью, на которую пускала слюни вся пацанва Союза. Уже минут двадцать она играла, как пианист-виртуоз, на самых чувствительных точках Жениного рта и тела, и Женя делал с ней то же самое, и это было долгожданным бальзамом для его шила в заднице... Это было то, что нужно.
Вот только Женин агрегат так и не проснулся.
— Сам не знаю, в чем дело, Свет, — виновато сказал он. — Я не ебал ее со вчерашней ночи...
— Значит, такая у тебя нынче норма. Старость не радость! — цинично заключила Света. Она всегда была такой. — Теперь твоя очередь быть шлюхой, а я буду возлежать, как императрица. Раз уж возбудил меня, паразит... Неее, дрочить будешь свою гетеру, а меня как человека, пожалуйста... Язычком...
И Женя вылизывал большую, бывалую Светину пизду, уныло прислушиваясь к своему красавцу. Глухо. Света была неправа: его норма была по два-три раза в сутки...
Он уходил от нее побитым псом. Мозг его был возбужден и отравлен, яйца ныли, тело требовало прикосновений — а ненадежный дружок обвис, как коровий хвост.
— Ой, ну что же вы... у меня еще политэкономия, и ужин готовить... — сладко смеялась Таня, когда он прямо с порога стянул с нее сарафан и трусики. — Ой-ей-ей! Ой, мама!..
Ей много не надо было: пару засосов на сосках, немного массажа между ног, немного язычка на шейке — и...
Изумленный Женя наблюдал, будто со стороны, как его гребаное хуйло рвет труселя, и потом, когда все тряпки убрались нахуй — как оно долбит каменной пушкой сочную Танину сердцевинку и тает, жестоко тает и лопается, ныряя в масляную мякоть... Девчонка пищала, стоя раком, и сиськи ее болтались под ней, как колокольчики. «Выросли уже», вдруг понял Женя, «раньше не болтались... « И заревел, поливая мутным фонтаном Танину спинку...
— Ты не колдуешь, случаем? — спрашивал он, растирая сперму по ее телу.
— Я? Колдую?... — смеялась Таня, наморщив веснушки. — Что вы делаете?
— Противно?
— Нет, но... Я теперь вся липкая.
— Мы теперь будем с тобой делать кое-что новенькое, ладно? — сказал Женя. Вот, например...

Ночью он гладил Таню, впервые выебанную во все три дыры, и думал:

«Рыжая, зеленоглазая… явилась сюда из своей тайги… Но, блядь, если она и вправду умеет что-то такое — как же мне повезло, что она выбрала именно меня!…»

И продолжал гладить свою жену, липкую от спермы.